

УДК 159.923

Е.С. МАСЛОВА

ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

Маслова Екатерина Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры философии и истории отечества Донского государственного аграрного университета (Ростовская область, п. Персиановский, ул. Кривошлыкова, 24), maslovaket@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется дискурс темы идентичности в философско-антропологической дисциплинарной парадигме. В рамках философско-антропологического подхода выделены четыре линии исследования темы идентичности. Дискурс конца XIX – начала XX века наметил две альтернативных линии: первая отдавала приоритет индивидуальности, а вторая социальности. С середины XX в. в философском дискурсе темы идентичности наметились две новые тенденции: 1) попытки интеграции социальности и индивидуальности идентичности и 2) постмодернистская деконструкция личности и идентичности.

Ключевые слова: личность, идентичность, идентификация, социальная идентичность, индивидуальная идентичность, самосознание.

UDC 159.923

E.S. MASLOVA

IDENTITY IN THE CONTEXT OF THE PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Maslova Ekaterina Sergeevna, candidate of psychological sciences, associate professor of the cathedra of philosophy and history of the fatherland of the Don state agrarian university (24, Krivoshlykova St., Persianovskiy lane, Rostov region), maslovaket@mail.ru

Abstract. The article analyzes the discourse of the topic of identity in the philosophical and anthropological disciplinary paradigm. Within the framework of the philosophical and anthropological approach four lines of research on the topic of identity have been identified. The discourse of the late XIX – early XX century outlined two alternative lines: the first gave priority to individuality and the second – to sociality. From the middle of the XX century in the philosophical discourse of the topic of identity two new trends emerged: 1) attempts to integrate sociality and individuality of identity; 2) postmodernist deconstruction of personality and identity.

Keywords: personality, identity, identification, social identity, individual identity, self-consciousness.

Известно, что путь человечества от стадии индустриального, а затем и постиндустриального общества в условиях мирового господства рыночной, капиталистической системы ведет не только к открытию широких возможностей и перспектив для развития личности, но и порождает, обостряет и доводит до предельных форм все виды отчуждения личности, порождаемые частной собственностью в сочетании с гигантским прогрессом техники и социальных коммуникаций. Философский дискурс темы идентичности, особенно актуализировавшийся в XX веке, является своеобразным теоретическим отражением и попыткой моделирования статуса личности в современном мире.

Выходя за границы единичной конкретности, фундаментальную сущность человеческой личностной идентичности пытается определить философско-антропологический подход. У истоков исследования идентичности в парадигме философско-антропологического подхода стоит Д. Локк, который ввел различие между идентичностью личности человека, обладающего сознанием и памятью о своих прежних состояниях, и идентичностью неодушевленных предметов. Обосновывая идентичность человека наличием сознания и памяти, Д. Локк выделил ключевую проблему исследования идентичности: единства постоянства и изменчивости человека в процессе его жизни.

В рамках этой базовой проблемы единства изменчивости и постоянства личности развивался дискурс темы идентичности в парадигме философско-антропологического подхода. Дискурс конца XIX – начала XX века актуализировал также вторую ключевую проблему, связанную с идентичностью, как одну из базисных характеристик человека: соотношение или взаимодействие индивидуальности и социальности. Естественно, что здесь наметились две альтернативных линии решения: первая отдавала приоритет индивидуальности, а вторая социальности.

Линия приоритета индивидуальности идентичности подчеркивает относительную независимость и самостоятельность личности в формировании сознания своей идентичности и самой себя, утверждает ценность именно индивидуальности человеческой личности, несет гуманистический потенциал сопротивления индивидуального человека дегуманистическим трансформациям современного общества.

Линия приоритета социальности исходит из первичности социальной идентичности в структуре самосознания личности и подчеркивает социальное происхождение личностной идентичности, социальную обусловленность трансформации идентичности личности. Сложная диалектика социальности и индивидуальности личности стала не только полем разделения двух линий философского исследования идентичности личности, но и камнем преткновения для многих версий интерпретации этой проблемы в рамках этих в общем-то односторонних линий.

У истоков линии приоритета индивидуальности идентичности стоит У. Джеймс. «Для Джеймса идентичность – субъективное чувство соответствия себе, континуальность, созидательная власть, сопротивляемость «эго» по отношению к окружающему миру» [1]. В дальнейшем эта линия приоритета индивидуальности получила развитие в философии психоанализа, в критическом рационализме К. Поппера, в экзистенциализме и некоторых других течениях современной западной философии.

В психоанализе, начиная с З. Фрейда, идентичность личности рассматривается как обусловленная биолого-психической природой индивидуальность человека, как некая антитеза социокультурному давлению на личность, сводящаяся в конечном счете к бессознательному. Неофрейдизм, обратив внимание на социальную природу бессознательного, тем не менее акцентирует внимание на процесс индивидуации как обретения самости, индивидуальности личности. «В работах Юнга, Адлера, Хорни, Салливан не исключается необходимость взаимодействия внутреннего Я и общества. Вся логика исследования направлена на защиту, совершенствование и обретение психической стабильности Я» [1].

К. Поппер для характеристики идентичности как индивидуальности личности использовал термин «самость», которая у него интерпретировалась как самосознающее, оценивающее себя, корректирующее себя и творящее новые смыслы самосознание.

Экзистенциализм зафиксировал трагическую антитезу личности и общества, комплекс угроз ее самости, индивидуальности и цельности, порождаемый дегуманистическими явлениями и процессами XX века. Однако он не предложил никаких конструктивных путей спасения личности, сохранения ее идентичности, кроме одинокого героического противостояния дегуманистическому миру. Т.о. он стал философской констатацией принципиально неразрешимой ситуации базисного, экзистенциального отчуждения личности в современном обществе, неразрешимого противоречия, раздвоения социальности и индивидуальности.

Наиболее всесторонне описывает проявления ситуации отчуждения личности К. Ясперс: «Сущность кризиса личности Ясперс видит в том, что возникло напряжение, раскол между подлинным самобытием и собственным, фактическим бытием в качестве массовой функции» [2]. В ситуации дегуманистического развития техники, бюрократии, массового производства и массовой культуры человек утрачивает индиви-

дуальность, самость, превращается в бездумный и бездушный винтик социальной машины. Так видит положение личности в XX веке экзистенциализм. «Распространилось сознание того, что все стало несостоятельным... Сознание эпохи отделяется от всякого бытия и заменяется только самим собой. Тот, кто так думает, ощущает и самого себя как ничто» [3, с. 296].

У истоков линии приоритета социальности в идентичности личности стоит Г. Зиммель, который считал, что самость является не врожденным, биологическим качеством человека, а приобретает им в процессе самоприписывания себя к определенным социальным группам при одновременном самопротивопоставлении себя другим социальным группам, осознаваемым как «чужие». Т.е. самость – результат ориентации личности в социокультурном пространстве на основе элементарной бинарной социальной оппозиции: «свой» – «чужой». Конечно, здесь есть доля истины, но это все-таки слишком упрощенная трактовка социальной природы идентичности.

Разработанную в контексте герменевтической методологии концепцию «повествовательной идентичности» П. Рикера также можно отнести к линии приоритета социальности в структуре идентичности личности. Противоречие между тождественностью и изменчивостью личности Рикер разрешает через повествовательную идентичность как текстовую, речевую артикуляцию личностью своей уникальности, своих индивидуальных качеств, способностей и особенностей, своего отношения к различным социальным группам.

Линия приоритета социальной природы идентичности личности наиболее последовательно разрабатывалась в советской марксистской философии и психологии. В марксизме сущность личности сводилась к совокупности ее индивидуальных общественных отношений, формирующихся и развивающихся в ее социальной деятельности. Формирование личности интерпретировалось как отражение в индивидуальном сознании и самосознании социальных отношений и социальной деятельности личности. В рамках таких методологических установок тема личной идентичности уходила на периферию теоретического интереса, уступая приоритет теме социальной идентичности. Мы-идентичность затмевала Я-идентичность.

С середины XX в. в философском дискурсе темы идентичности наметились две новые тенденции: 1) попытки интеграции социальности и индивидуальности идентичности и 2) постмодернистская деконструкция личности и идентичности.

К интегративным концепциям идентичности можно отнести концепцию личности Э. Фромма. Фромм связывает идентичность личности с ее плодотворной, творческой деятельностью. Фромм подчеркивает социальную природу личности. «Человеческая натура – это не сумма врожденных, биологически закрепленных побуждений, но и не безжизненный слепок с матрицы социальных условий, это продукт исторической эволюции в синтезе с определенными врожденными механизмами и законами» [4, с. 134].

Однако в формировании личности ключевая роль принадлежит самому человеку, его способу реакции на социальную среду. «Человеческая натура, страсти человека и тревоги его – это продукт культуры; по сути дела, сам человек – это самое важное достижение тех непрерывных человеческих усилий, запись которых мы называем историей» [4, с. 137].

Перед каждым человеком стоит выбор: иметь или быть. Преодолевать экзистенциальную дихотомию между собой и общественной внешней средой путем полного подавления индивидуальности, пассивного приспособления к среде, превращаясь в ее слепок, либо путем плодотворной творческой деятельности, в которой формируется, сохраняется и развивается подлинно человеческая личность и ее идентичность как самосознание своей плодотворности.

Ю. Хабермас рассматривал Я-идентичность как динамичное взаимодействие личностной и социальной идентичностей, опосредующих друг друга. «Понимание человеком

самого себя зависит не только от того, как он сам себя описывает, но и от тех образцов, которым он следует. Самоидентичность Я определяется одновременно тем, как люди себя видят и какими они хотели бы себя видеть» [5, с. 7].

Интегральную культурно-историческую модель идентичности предложил Р. Баумайстер. Идентичность он рассматривает как цельность личности, отождествляемую человеком как Я. Главными критериями этой цельности являются континуальность (единство бытия человека в процессе протекания его жизненного времени) и отличительность (индивидуальность, непохожесть на других людей). По Баумайстеру идентичность – это сложная индивидуальная культурно-психологическая структура личности, в которой он выделяет несколько функциональных аспектов: 1) индивидуальная структура приоритетов и ценностей, называемая в психологии «направленностью» личности, 2) социальная идентичность (принятый личностью комплекс социальных ролей и связанная с ним социальная репутация личности), 3) смысло-жизненная ориентация (формулировка для себя жизненных целей и задач, самооценка в их свете собственного личностного потенциала).

Большим вкладом в разработку темы идентичности является идея Р. Баумайстера о культурно-исторической природе и исторических трансформациях личностной идентичности в контексте исторических трансформаций социокультурной среды. Причем историю этих трансформаций Баумайстер интерпретирует как процесс исторического развития личностной идентичности [6].

Оригинальную попытку создать интегральную концепцию идентичности предпринял Э. Гидденс. Он различает идентичность как континуальность личности в пространстве и во времени и самоидентичность как самосознание этой идентичности. Согласно Гидденсу, не только самоидентичность, но и идентичность создаются и поддерживаются только в процессе личностной рефлексии [7, с. 53, 55].

Гидденс рассматривает структуру идентичности как некую противоречивую структуру, представляя социальную и личностную идентичность как два противоположных полюса, раскрывающихся в виде комплекса дилемм: 1) унификация – фрагментация; 2) беспомощность – овладение; 3) авторитарность – неопределенность; 4) личные потребности – рыночный индивид [7, с. 201]. Тезис Гидденса о противоречивой, полярной структуре идентичности имеет большой конструктивный теоретический потенциал.

Деструктивная линия в трактовке темы идентичности в современном социально-гуманитарном дискурсе представлена философией постмодернизма, которая, по существу своему, является радикальным философским отражением, с одной стороны, глубины кризиса личности в современном мире, с другой – философским течением, возводящим трудности и проблемы современной философии в теоретическом осмыслении темы личности и личностной идентичности в контексте гуманизма в абсолюте, что ведет постмодернизм к деконструкции не только личности и ее идентичности, но и классического гуманизма как базисной ценности человечества. Постмодернизм разлагает цельную личность на бесконечный набор бессвязных, ситуативных фрагментов. «Поддерживаясь децентризма и веры в благодатность различия или «безусловного рассоединения», постмодернисты превращают и человека, индивида, в «дивида» [8, с. 174].

В постмодернизме отрицается фундаментальный идеал классического гуманизма – идеал всестороннего развития личности. Вместо субстанциональной личностной идентичности постмодернизм предлагает дискурсивную плюралистичную, фрагментарную множественную идентичность, рождающуюся и меняющуюся в процессе ситуативной коммуникации. «Субъект множественной идентичности – постоянно и дискретно становящееся, кумулятивно не связанное существо... С учетом популярной сегодня методологии *complexity* идентичность может быть представлена как ассамбляж (*assemblage*) различных коммуникативных потоков и сил, опытов и акций» [8, с. 186-187].

Идентичность в постмодернизме вообще рассматривается не как базисное качество личности, а как ситуативная маска, за которой не содержится ничего, никакого

субстанционального содержания. «Постмодерная идентичность – предельно раскованная и краткосрочная – доходит до полной свободы примеривания и смены идентичностных масок» [8, с. 187].

Некоторые исследователи пытаются обнаружить в откровенно деструктивной концепции идентичности постмодернизма некое позитивное гуманистическое содержание, якобы открывающее перспективы нового гуманизма. Однако по своей сути постмодернистская концепция идентичности является философской констатацией и неправомерной абсолютизацией ситуации глобального отчуждения, в которой оказалась личность в современном постиндустриальном мире. Постмодернизм выступил как простое отрицание поставленных самой современной историей под вопрос фундаментальных основ и ценностей человечества, и прежде всего классического гуманизма, не предлагающее никакой позитивной альтернативы.

Выводы. В рамках философско-антропологического подхода выделены четыре линии исследования темы идентичности. Дискурс конца XIX – начала XX века наметил две альтернативных линии: первая отдавала приоритет индивидуальности, а вторая социальности.

Линия приоритета индивидуальности идентичности подчеркивает относительную независимость и самостоятельность личности в формировании сознания своей идентичности и самой себя, утверждает ценность именно индивидуальности человеческой личности, несет гуманистический потенциал сопротивления индивидуального человека дегуманистическим трансформациям современного общества.

Линия приоритета социальности исходит из первичности социальной идентичности в структуре самосознания личности и подчеркивает социальное происхождение личностной идентичности, социальную обусловленность трансформации идентичности личности.

С середины XX в. в философском дискурсе темы идентичности наметились две новые тенденции: 1) попытки интеграции социальности и индивидуальности идентичности и 2) постмодернистская деконструкция личности и идентичности. Интегративные концепции идентичности рассматривают ее некую целостную структуру, сочетающую личностную и социальную идентичность, взаимоопосредующие друг друга. Постмодернизм является радикальным философским отражением глубины кризиса личности в современном мире и фактически отрицает субстанциональность личности и ее идентичности.

Литература

1. *Заковоротная М.В.* Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов-на-Дону, 1999.
2. *Поломошнов П.А.* Кризис личности в философии К. Ясперса // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6.
3. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. Москва, 1991. 528 с.
4. *Фромм Э.* Бегство от свободы. Человек для себя. Москва, 2006. 571 с.
5. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность: монография. Москва, 1995. 245 с.
6. *Baumeister R.F.* Identity: Cultural Change and Struggle for Self. New York, 1986. 280 p.
7. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity. Stanford, 1991. 256 p.
8. *Гречко П.К.* Идентичность – постмодернистская перспектива // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 171-190.

References

1. *Zakovorotnaya M.V.* Identichnost cheloveka. Sotsialno-filosofskie aspekty [The identity of the person. Social and philosophical aspects]. Rostov-na-Donu, 1999.
2. *Polomoshnov P.A.* The crisis of personality in the philosophy of K. Yaspers // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. № 6.

3. *Yaspers K.* Smysl i naznachenie istorii [The meaning and purpose of the history]. Moscow, 1991. 528 p.
4. *Fromm E.* Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya [Escape from freedom. Man for himself]. Moscow, 2006. 571 p.
5. *Habermas Yu.* Demokratiya. Razum. Nравstvennost [Democracy. Mind. Morality]: monograph. Moscow, 1995. 245 c.
6. *Baumeister R.F.* Identity: Cultural Change and Struggle for Self. New York, 1986. 280 p.
7. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity. Stanford, 1991. 256 p.
8. *Grechko P.K.* Identity – Postmodern perspective // Voprosy sotsialnoy teorii. 2010. Vol. IV. P. 171-190.

УДК 008+7.0+8

В.Ю. НОВИКОВА

ОБРАЗ КОРОЛЯ АРТУРА В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЛЕТОПИСЯХ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Новикова Валерия Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), ecologia.yazyka@yandex.ru

Аннотация. Начиная с раннего Средневековья образ короля Артура в летописных источниках детерминирован текущей политической, идеологической и прежде всего культурной ситуацией. В связи с этим от первого фактического упоминания в работе Ненния (IX век) до художественно пересмысленной полной биографии в «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского образ Артура претерпел значительные изменения: из военного вождя он превратился в короля всей Британии и императора Запада.

Ключевые слова: Средние века, король Артур, хроники, средневековая культура, идеология Плантагенетов.

UDC 008+7.0+8

V.Yu. NOVIKOVA

THE IMAGE OF KING ARTHUR IN MEDIEVAL CHRONICLES: HISTORICAL AND CULTURAL ANALYSIS

Novikova Valeriya Yuryevna, candidate of philological sciences, associate professor of the Krasnodar state institute of culture (33, 40-letiya Pobedy St., Krasnodar), ecologia.yazyka@yandex.ru

Abstract. From the early Middle Ages the image of King Arthur in the chronicle sources determined by the current political, ideological and above all cultural situation. In this regard, from the first actual mention in the work of Nennia (IX century) to the artistically rethought full biography in the «History of the Britons» of Galfrid of Monmouth the image of Arthur has undergone significant changes: from a military leader he turned into the king of all Britain and the Emperor of the West.

Keywords: Middle Ages, king Arthur, Chronicles, medieval culture, ideology of the Plantagenets.

В истории европейской культуры образ короля Артура существует, по всей видимости, около полутора тысяч лет. Начиная с первых упоминаний о нем до современности, этот образ менялся в зависимости от контекста, в котором он рефлексировался. Он великий объединитель кельтских земель; военный вождь, руководящий мобильным конным отрядом из диковатых воинов-бандитов; полководец, одержавший несколько великих побед над саксами; победоносный император, завоевавший половину Европы; умудренный жизнью старый правитель, символический хозяин блистательного куртуазного двора и братства рыцарей Круглого стола; слабый король, вынужденный подчиняться